

Записки В. Н. Виноградскаго ¹⁾.

Бѣда, если ярый инспекторъ увидить у отца не показанный томъ Бѣлинскаго, а тѣмъ паче Дарвина или Бокля. Потребуется заказать для этихъ книгъ особый шкафъ, съ замкомъ, чтобы какъ-нибудь ученики не посмотрѣли заглавіе и не узнали имя зловреднаго человѣка.

Инспекція учебнаго заведенія (по Толстому) должна знать, сколько куб. фут. воздуха въ домѣ отца ученика, чѣмъ его кормятъ, кто знакомъ и кто сосѣди, ну, словомъ, родитель ученика попадаетъ подъ надзоръ инспекціи и она знаетъ, гдѣ кто изъ родителей бываетъ и кто посѣщаетъ ихъ. Конечно всѣ эти предписанія Толстого съ компаніей не исполняются, но вѣдь находятся люди, которые ими пользуются, чтобы выказать свою энергію передъ начальствомъ. Эти-то люди и портятъ отношенія семьи и школы.

Съ момента поступленія ребенокъ уже слышитъ дома о непріятностяхъ съ школьнымъ начальствомъ, о стѣсненіи свободы воспитанія своихъ дѣтей, какую-то зависимость семьи отъ циркуляровъ школьнаго начальства—и вотъ начинается рядъ обмановъ какъ со стороны родителей, такъ и дѣтей. Школа и семья это два враждебныхъ лагеря. Дѣти теряютъ всякое уваженіе къ школѣ, а болѣе состоятельные родители, желая только отдѣлаться отъ требованій школы, нанимаютъ репетиторовъ, сваливая на нихъ всѣ сношенія съ школой и считая для себя унижительнымъ под-

¹⁾ См. „Русскую Старину“, сентябрь 1916 г.

чиняться школьнымъ требованіямъ, которые большинство не признаетъ педагогическими.

Появленіе репетиторовъ—это одна изъ язвъ, внесенныхъ графомъ Толстымъ въ жизнь школы, репетиторовъ, подготовленныхъ къ своему дѣлу, нѣтъ, въ репетиторы попадаютъ неимѣющіе мѣста недоучившіеся студенты, исключенные гимназисты, а пожалуй еще засидѣвшіяся въ дѣвѣцахъ—барышни. Начальство опять тутъ должно вступить и рекомендовать своего репетитора,—котораго впрочемъ обыкновенно не знаетъ, но вѣдь большинство репетиторовъ якобы родственники и только помогаютъ уяснить не вполне понятное ученику. На самомъ же дѣлѣ репетиторъ напишетъ сочиненіе, сдѣлаетъ, если сможетъ, задачу, подыщетъ по лексикончику слова и пр. и пр. Мальчикъ приучается дѣлать все на помочахъ, самостоятельности никакой, но отмѣтки порядочныя, начальство молчитъ, родители довольны. Передъ экзаменомъ появляется свидѣтельство о переутомленіи—значитъ, переведенъ безъ экзамена, такъ разъ или два и наконецъ, къ удивленію, полное незнаніе всего пройденнаго—ахъ и охъ. Школа бранитъ родителей, а родители школу. Мальчикъ выходитъ изъ учебнаго заведенія по домашнимъ обстоятельствамъ. Куда онъ потомъ поступитъ, это его дѣло.

Выпускные экзамены начались въ маѣ и тянулись очень долго, кажется, до 30 чиселъ іюня. Я припоминаю, какую массу билетовъ приходилось брать на экзаменахъ, и удивляюсь, какъ мы всѣ могли втолкать себѣ въ головы такое количество свѣдѣній. По закону Божію мы отвѣчали по отдѣльнымъ билетамъ: изъ ветхаго завѣта, новаго завѣта, богослуженія, катихизиса, истор. церкви, ист. рус. церкви, т. е. на 6 вопросовъ—и, нужно сказать, отвѣчали хорошо и если можетъ быть не вполне понимали связь событій, за то знали множество фактовъ. По русскому языку—изъ грамматики, теоріи прозы и поэзіи, исторіи всеобщей литературы и исторіи русс. литературы. Изъ математики—письменныхъ работъ не было и экзаменовали по ариѣм., алгебрѣ Тлхомандринскаго, геометріи Буссе, тригонометріи. Космографію и физическую географію знали всѣ очень хорошо. Въ исторіи экзаменовались какъ изъ отдѣльныхъ предметовъ по древней, средней, новой (Смарагдову) и по русской исторіи (по Иловайскому). Географія отдѣльно общая и русская. Ест. исторіи—по предметамъ: зоологія, ботаника, минералогія, физиологія. Физика про-

ходила по Ленцу—это была довольно толстая книга, устарѣвшая даже для того времени. Изъ языковъ славали латинскій, французскій и нѣмецкій,—это были самые плохіе для многихъ предметы, и начальство мало обращало на нихъ вниманія.

Къ экзаменамъ готовились очень старательно и, заранѣе раздѣливши между собою предметы, каждый долженъ былъ изучить его до тонкостей и давать товарищамъ всѣ объясненія. На мою долю выпала математика, и я приготовился изъ нея очень хорошо, космографію я зналъ основательно, физическую географію тоже, но языки были для меня камнемъ преткновенія, и товарищи снабдили меня всякими подстрочными переводами, а стихи—я вызубрилъ, не понимая.

Экзамены сошли очень хорошо и только, какъ я уже упоминалъ, я провалился на латинскомъ языкѣ, но благодаря добродушію начальства не погибъ.

Мы настолько надѣялись на свои знанія, что нисколько не смутились, какъ однажды, уже по окончаніи экзамена по математикѣ, мы, забравшись въ какой-то пустой классъ и снявъ куртки, спокойно пили чаекъ, какъ вдругъ влетаетъ надзиратель съ просьбой идти снова на экзаменъ, по случаю пріѣзда какого-то морского генерала, желавшаго присутствовать на экзаменѣ, но опоздавшаго. Конечно, мы, какъ уже покончившіе съ этимъ экзаменомъ, имѣли полное право отказаться идти вновь на экзаменъ, но это казалось намъ неприличнымъ, и сейчасъ же трое изъ насъ, натянувъ куртки, явились передъ генераломъ, около котораго былъ чуть не весь педагогическій совѣтъ гимназій. Генераль оказался человекомъ знающимъ и экзаменовалъ весьма подробно и основательно. Его, кажется, поразило мое знаніе космографіи и онъ очень любезно совѣтовалъ мнѣ сдѣлаться специалистомъ по астрономіи. Можетъ быть, экзаменъ повліялъ на начальство гимназій, и оно сдѣлало мнѣ послабленіе по латинскому языку и хотя я изъ-за латинскаго языка лишился медали, но все-таки былъ зачисленъ сибирскимъ стипендіатомъ въ Казанскій университетъ.

Во время нашихъ экзаменовъ, почти уже въ концѣ ихъ, случилось происшествіе, отчасти характеризующее школьную жизнь того времени. Дѣло въ томъ, что нашъ инспекторъ Михаилъ Иванов. Орловъ не имѣлъ никакого вліянія на учениковъ и не пользовался ихъ уваженіемъ,

почему-то его просто звали Михайло, Пехило, Пехтерь и сокращенно Пѣхъ. Понятно, что старшіе ученики не обращали на него никакого вниманія, да и онъ плохо наблюдалъ за ними. Одинъ изъ нашихъ товарищей Крымскій Дмитрій, извѣстный между товарищами подъ именемъ Митиньки, былъ отличнѣмъ ученикомъ, но страшный неряха и очень нервный. Частенько товарищи подсмѣивались надъ нимъ, и это приводило его просто въ бѣшенство. Однако онъ легко поддавался вліянію своего пріятели, ученика 6-го кл. Фомина, юноши уже великовозрастнаго и дѣйствующаго на Митиньку самымъ сквернымъ образомъ. Пользуясь привилегіей хорошаго ученика, Митинька выпросилъ дозволеніе заниматься отдѣльно отъ другихъ товарищей и поселился въ одномъ изъ пустыхъ классовъ верхняго этажа гимназіи. Къ нему, уже безъ всякаго разрѣшенія,—переехалъ на житье Фомина и началъ пріучать Митиньку курить и выпивать. Однажды, они кутнули такъ сильно, что забыли все к ночью, гуляя по пустому верхнему корридору, выдумали пробовать силу, которой особенно хвастался Фомина, силу пробовали на дверяхъ и окнахъ, результатомъ оказалось разбитіе стеколъ, поломка дверей, перилъ у лѣстницъ и пр.

Утромъ надзиратель нашелъ ихъ безъ чувствъ пьяныхъ, спящими на полу. Конечно, поднялась цѣлая исторія, 7-й классъ отправилъ отъ себя депутацію къ директору, ходатайствуя за Митиньку, и наше ходатайство помогло: —Фомина былъ исключенъ изъ гимназіи, а Митинька окончилъ прекрасно курсъ, но былъ лишенъ золотой медали, которую онъ заслужилъ своими успѣхами. Его отправили, на казенный счетъ, въ Московскій университетъ, гдѣ онъ дошелъ до 2-го курса и умеръ отъ тифа.

Въ 7 классѣ я уже занимался уроками, обучая маленькихъ ребятъ, и немного заработалъ себѣ на платье. Дядя не имѣлъ средствъ помочь мнѣ, и потому все пришлось заводить самому. Намъ, отъѣзжающимъ въ университетъ, выдали пособіе по 15 руб. и только. Ни книгъ, ни платья, ни бѣлья мы не получили. Дядя далъ мнѣ еще старое синее сукно, вывезенное имъ въ 30 годахъ изъ Питера и уже отслужившее свой вѣкъ, это сукно и послужило мнѣ для фланелевой шинели, которую можно было носить зимой и лѣтомъ. Бабушка сильно хлопотала и елико возможно сшила мнѣ кое-что изъ бѣлья и снарядила меня въ дльную сторону. Дядя далъ на дорогу 15 руб. мелкимъ

серебромъ. Наконецъ насталь день отъѣзда. Насъ ѣхало 5 человекъ кончившихъ курсъ: я, Горяевъ, Осликовскій, Павлюновъ, Крымскій, провожатымъ былъ учитель Кибальчичъ. Кибальчичъ ѣхаль съ какими-то двумя купцами, которые везли его даромъ, пользуясь казенной подорожной, у нихъ былъ прекрасный большой тарантасъ; на козлы садили иногда кого-нибудь изъ насъ, что составляло большую выгоду. Мы ѣхали, имѣя каждый прогоны на одну лошадь, а все на пятерку, такъ какъ расходы на кормежку въ дорогѣ порядочны, да кромѣ того, нужно было давать ямщикамъ на водку, платить за перевозъ, за номеръ въ городскихъ гостиницахъ и пр. и пр., то чтобы какъ-нибудь вывернуться, мы ѣхали въ одномъ экипажѣ, платя только за тройку лошадей и сидя конечно почти другъ на другѣ. Перекладныя почтовыя повозки, а иногда простая крестьянская телѣга, конечно, не особенно удобныя экипажи, однако молодость все выносила, и мы день и ночь ѣхали, ѣхали и ѣхали.

Назначеніе одного изъ учителей въ провожатые считалось хорошей командировкой, т. к. учитель получаль прогоны впередъ и назадъ и кромѣ того пособіе. Онъ имѣль при томъ казенную подорожную, въ которой прописывалось, чтобы ему давали безъ задержки лошадей, и что онъ ѣдетъ съ двумя будущими, эта подорожная была привилегія чиновниковъ, а частныя люди должны были платить деньги за нее и кромѣ того на каждой станціи имъ приходилось сидѣть по нѣскольکو часовъ, т. к. проѣзжающіе съ казенной подорожной имѣли право забирать лошадей.

Мы сильно торопились ѣхать и въ Томскѣ у мачихи я пробыль только нѣскольکو часовъ: чтобы сократить путь и избѣжать лишннихъ расходовъ, рѣшено было отъ Канска ѣхать прямо на Тюкалинскъ на такъ называемыхъ дружкахъ.

Дружками назывались ямщики, не состоящіе при почтовыхъ станціяхъ, они возили нѣскольکو подешевле, такъ за тройку брали съ версты 3 коп. и везли прекрасно, у многихъ изъ нихъ были хорошіе экипажи. Обыкновенно около Канска являлся мужичекъ, который и уговаривался въ цѣнѣ и отвозилъ къ своему пріятелю (дружку), который сейчасъ же запрягалъ лошадей и везъ къ своему пріятелю, и т. д.

Ѣхать на дружкахъ хорошо, но нужно быть осторожными, иногда можно попасть на недобросовѣстныхъ людей

и если ѣхать не большимъ трактомъ на Омскъ, а прямой дорогой на Тюкалинскъ, то вдали отъ казенныхъ станцій дружки начинаютъ набавлять цѣну за проѣздъ и, какъ мнѣ случилось впоследствии видѣть, просто обдираютъ проѣзжающаго, который попадаетъ имъ, особенно доставалось, говорятъ, курьерамъ, желающимъ сократить путь и сохранить прогоны и потому рѣшающимся своротить съ большой дороги и ѣхать на дружкахъ по прямому тракту. Лучше было пользоваться дружками, не сворачивая съ казеннаго тракта и требуя, чтобы дружки довозили до того селенія, гдѣ казенная станція, тогда нѣтъ опасности попасть имъ въ лапы.

Мы однако проѣхали на дружкахъ благополучно и даже сохранили немного деньжонокъ, платя подешевле.

Изъ дорожныхъ воспоминаній нельзя не упомянуть о нашихъ проходахъ въ Иркутскъ. По Московскому тракту въ 4-хъ вер. отъ Иркутска есть Вознесенскій Монастырь, въ которомъ почиваютъ мощи Св. Иннокентія Иркутскаго Чудотворца. Мощи святителя чтутся жителями Иркутска, и во всѣхъ важныхъ случаяхъ жизни каждый считаетъ своею обязанностію помолиться у раки святителя. Я помню, какъ насъ, маленькихъ, водили пѣшкомъ на поклоненіе мощамъ, и для насъ, ребятъ, это было цѣлое путешествіе. Будучи гимназистами мы ходили молиться передъ началомъ ученія и передъ экзаменами. Кажется, заведенъ обычай, что каждый отъѣзжающій долженъ служить молебень въ монастырѣ. Конечно, поѣздка въ университетъ за 5 тысячъ верстъ отъ родины, была для насъ важнымъ моментомъ жизни, и вотъ въ монастырь собрались родные отъѣзжающихъ учениковъ, учителя и начальство гимназіи. Отслужили напутственный молебень, выпили чаю и по рюмочкѣ какой-то наливки, поплакали и получили благословеніе какъ отъ родныхъ, такъ и отъ добраго нашего директора, и наконецъ тронулись въ путь.

Хотя мы ѣхали цѣлый мѣсяць—день и ночь, но дорога прошла какъ-то незамѣтно, разнообразіе впечатлѣній, новостъ положенія и постоянная забота о томъ, какъ бы поскорѣе добраться до ближайшей станціи, гдѣ можно хоть нѣсколько минутъ походить или полежать спокойно и опять собираться въ перекладной повозкѣ, трястись до слѣдующей станціи, все это убивало незамѣтно время. Изъ дорожныхъ впечатлѣній помню переправы черезъ наши Сибирскія гигантскія рѣки Енисей, Обь, Иртышъ. Помню, какъ, подѣ-

ѣзжая къ Тюкалинску, мы въ 1-й разъ увидѣли телеграфныя столбы, о существованіи которыхъ знали только изъ книжекъ, но представляли ихъ совсѣмъ не такими, какіе они есть, а скорѣе въ родѣ верстовыхъ столбовъ, такъ что, увидѣвъ столбы, спросили ямщика, что это за штука.

Отъ Екатеринбургѣ до Перми тоже была превосходная дорога, и мы ѣхали прекрасно, любуясь видами Урала. Надо замѣтить, что вообще дорога по Сибири была прекрасная, особенно въ Енисейской губерніи, гдѣ ее устраивалъ знаменитый исправникъ Лоскутовъ, про котораго существуетъ масса разсказовъ, какъ про челоуѣка обирающаго и грабящаго народъ. Только Сперанскій убралъ его и отдалъ подъ судъ.

Въ Перми пришлось прождать дня два, дожидаясь парохода. Жили въ какой-то маленькой гостиницѣ и ходили осматривать городъ. Въ одну изъ прогулокъ купили по апельсину, которые увидѣли въ первый разъ въ жизни и, вообразивъ, что ихъ можно ѣсть какъ яблоки (яблоки мы видали и ѣдали), начали откусывать кусочки прямо съ кожурой. Вышло очень невкусно, и апельсины были выброшены. Я только черезъ годъ узналъ, что апельсины нужно чистить.

Какъ это ни странно, но объясняется очень просто. Въ Сибири яблоки не растутъ, а привозныя дороги, апельсины тѣмъ болѣе и могутъ быть извѣстны только богатымъ. Черныя и красныя китайскія яблоки привозятся въ Иркутскъ изъ Китая зимой мерзлыми и чтобы ихъ ѣсть нужно оттаять въ водѣ. Яблоки эти довольно вкусны и—кислое. Изъ нихъ, кажется, дѣлаютъ черную китайскую пастилу, которую смѣшиваютъ съ ядрами орѣха и сверху посыпаютъ мукой.

Въ Сибири, въ Иркутскѣ и въ Читѣ есть особый сортъ яблони—это довольно большое дерево, достигающее 4—5 сажень высоты и приносящее плоды, называемые въ Сибири яблонью, плоды являются кисточкой на длинныхъ стебелкахъ штукъ по 5—10 и состоятъ изъ шарообразныхъ яблочковъ величиною въ ягоду, на примѣръ рябины или смородины. Плоды снимаютъ обыкновенно осенью уже послѣ перваго мороза и маринуютъ для салата. Вкусъ ягодъ кислый, довольно пріятный. Деревья растутъ только въ садахъ, на волѣ—въ лѣсахъ, кажется, нѣтъ яблочныхъ деревьевъ. Въ Томскѣ въ мое время не знали о существованіи яблони.

Отмѣчу слѣдующій фактъ: въ Томскѣ были черные тараканы, были и обыкновенные красные, а въ Иркутскѣ о черныхъ тараканахъ не имѣли понятія и, увидѣвши ихъ, по прїѣздѣ въ Томскъ, боялись. Красные же были обычными жителями.

Въ Иркутскѣ и Томскѣ совсѣмъ не было раковъ, и моему отцу, жившему въ Томскѣ, какъ рѣдкость привозили зимой мороженыхъ раковъ изъ Тюмени, гдѣ, говорили тогда, раки появились недавно.

Интересно знать, какъ теперь распространились раки въ глубь Сибири, да и объ черныхъ тараканахъ тоже не мѣшаетъ разузнать.

Наконецъ наше путешествіе завершилось перевязомъ на пароходѣ отъ Перми до Казани. Ъхали конечно въ 3 кл., на некрытой палубѣ и питались, по большей части, чаемъ да хлѣбомъ, купленнымъ на пристани. О буфетѣ пароходномъ даже не мечтали.

Но вотъ, наконецъ, матушка Волга, на которую мы смотрѣли съ какимъ-то благоговѣніемъ, а вотъ и татарская столица Казань. Прїѣхали мы 28 или 29 іюля, въ день проводъ Семиозерной иконы Божіей Матери, и хотя мы не видали церемоніи, но на Проломной улицѣ, гдѣ мы остановились въ гостин. Жарова, было большое движеніе народа, просто поразившее насъ; самый городъ казался намъ и большимъ, и богатымъ, и благоустроеннымъ, сравнительно конечно съ тѣмъ, что мы видѣли до сихъ поръ въ своей жизни.

Отыскали студентовъ иркутявъ и начали совѣтоваться, какъ намъ устроиться. Брата Н. Никол. въ городѣ не было, онъ уѣхалъ въ Уфимскую губернію на кумысь. Студенты совѣтовали Кибальчичу (учителю, провожавшему насъ) оставить насъ на произволъ судьбы и говорили, что до половины августа мы не найдемъ никакого начальства въ университетѣ. Кибальчичъ однако не согласился и повезъ насъ къ ректору Осокину, проф. финансоваго права; его однако въ городѣ не оказалось, и намъ сказали, что дѣлами завѣдуетъ проф. богословія Владимірскій. Отправились къ Владимірскому и очень удивили его своимъ нашествіемъ. Онъ видимо не зналъ, что съ нами дѣлать, и, спрашивая каждого, на какой факультетъ желаетъ поступить, обратился съ этимъ вопросомъ и къ Кибальчичу, мы не выдержали и засмѣялись. Владимірскій посоветовалъ намъ дожидаться прїѣзда ректора и за всѣми справками обратиться къ нему, а Ки-

бальчичу, какъ не поступающему въ университетъ, уважать. Такъ и сдѣлали. Кибальчичъ уѣхалъ на другой же день, а мы разбрелись по квартирамъ. Я и Горяевъ поселились въ квартирѣ студента 4-го курса И. Я. Орлова, сына священника изъ Кяхты или Троицкосавска. Онъ занималъ домикъ въ Профессорскомъ переулкѣ, въ Старо-Горшечной улицѣ. Орловъ получалъ порядочную стипендію отъ какой-то Княжинской купчихи, вышедшей впоследствии замужъ за доктора Образцова. Жилъ онъ въ чердачкѣ семейно и имѣлъ дочку. Это былъ очень энергичный студентъ и имѣлъ въ студенческихъ кружкахъ большое вліяніе. О его судьбѣ скажу послѣ.

Вскорѣ пріѣхалъ братъ, уже кончившій курсъ, но еще не написавшій кандидатской диссертациі. У брата, какъ оказалось, вѣтъ ничего, ни бѣлья, ни платья и никакихъ вообще вещей. Такое положеніе впрочемъ у него сохранилось всю его жизнь. Онъ вообще человѣкъ не отъ міра сего и, проживъ холостякомъ до старости, онъ остался такимъ же растеряхой и неряхой, какимъ былъ и въ молодости.

Сообщила А. Робушъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Авторъ записокъ Владиміръ Николаевичъ Виноградскій (Астрахань † 14 января 1900 г.), былъ директоромъ реальныхъ училищъ Екатеринбургскаго и Астраханскаго, директоромъ Вятскаго земскаго училища и Астраханской Маріинской гимназіи.

Его перу принадлежали многія статьи по астрономіи и физической географіи.

Онъ отличался особымъ талантомъ въ организаціи ученыхъ обществъ и умѣньемъ сдѣлать ихъ жизненными.

В. Н. былъ выдающійся педагогъ, рѣдкій общественный дѣятель, и человѣкъ самыхъ высокихъ нравственныхъ качествъ.

Трудъ и любовь ко всѣмъ были девизомъ всей его жизни.

Ред.